

ХУРДОЯН Ц. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ХУРДОЯН Цолак Абрамович, родился в 1900-х. До революции работал санитаром, аптекарским учеником и братом милосердия в сельской больнице, окончил семь классов самостоятельно на дому. После 1918 — призван в Красную армию, после демобилизации окончил естественный факультет педагогического института, в 1932 — Медицинский институт. Работал заведующим больницей в Беюк-Вединском районе, затем заместителем заведующего, с октября 1933 — заведующим Здраводела в Катайском районе. Женат, в семье — больной ребенок. 5 апреля 1935 — арестован, отправлен в Эривань и заключен в тюрьму. Приговорен к 3 годам северного концлагеря и отправлен в ИТД № 1 в Баку. В январе 1936 — просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<23 января 1936>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА
Е. П. ПЕШКОВОЙ

Л<ишенного> свободы врача
ЦОЛАК АБРАМОВИЧА ХУРДОЯН

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Я арестован 5-го апреля 1935 года в ССР Арм<ении> в Катайском районе, где работал в качестве ЗАВЗДРАВОТДЕЛОМ и Санитарным врачом. 5-го же апреля 1935 года я был направлен в г<ород> ЭРИВАНЬ в распоряжение органов НКВД, где на первом же допросе к моему великому удивлению было предъявлено обвинение по ст<атье> 67 ССР А<рмении>, которая гласит о контрреволюционной агитации, причиной чего послужил рассказ мною антисоветского анекдота.

Действительно, по усиленной просьбе трех ответ<ственных> работников Катайского отделения Госбанка мною был рассказан этот анекдот, слышанный где-то.

Странно было думать, что я хотел или мог бы сагитировать трех людей, трех сознательных и честных работников таким простым и легким путем. Понятие "АГИТАЦИИ" явление <нрзб.> и массового — здесь совершенно неприменимо. Как я сам, так и мои собеседники смотрели на это как на шутку, м<ожет> б<ыть> и всем позволительную, но во всяком случае не способную подорвать движение к могучей Советской власти.

Вся моя нижеописанная автобиография докажет Вам, что в мою голову не могла прийти мысль — колебать и расстраивать устои власти, да и еще таким жалким путем, как передача глупого и случайного анекдота.

Я, сын резника, всю жизнь работавшего на хозяев, чтобы содержать многочисленную семью. После долгих усилий отец должен был переехать в деревню, т<ак> к<ак> на воспитание детей в городе средств не хватало.

Учиться в средн<их> учебн<ых> завед<ений> я не мог, потому что не было возможности, а лишь проходил курсы первых ее классов (до 7-го класса) самостоятельно дома. Каких трудов это все стоило, в глухой армянской деревушке в эпоху царизма, можно себе представить, но жажда знания, стремление к свету были так велики, что мне удавалось преодолевать все препятствия и выдержать экзамен за первые классы (4-й, 5-й и 6-й), и одновременно работал в больнице (сельской) при союзе городов санитаром, аптекарским учеником и братом милосердия.

Один из врачей, заинтересовавшись мною, помог мне подготовиться к поступлению в фельдшерскую школу. Влечение к медицине, как это видно,

начало у меня проявляться с детства, но этому стремлению в условиях старого режима суждено было заглухнуть, и я в лучшем бы случае закончил свою жизнь медицински безграмотным бы, калечившим своих темных пациентов — фельдшером в каком-нибудь глухом углу Армении.

Пришла Революция, прогремел гром ОКТЯБРЯ и передо мною, как и перед другими десятками и сотнями тысяч юношей, открылась широкая дорога, развернулось поле деятельности и достижений. Все тяжелое, гнетущее, связывающее — осталось позади, и я большими шагами пошел вперед к счастью, которое мне давала Советская власть.

Один за одним мелькают: Красная Армия, воспитывающая во мне безграничную преданность вновь обретенной родине и ее власти, естественный факультет педагогического института и, наконец, цель всей моей жизни — МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ.

Мечта моей юности осуществлена, и в 1932 году я врач и могу отплатить честной работой все давшей мне Советской власти.

Если моя мать родила меня как человека, то Советская власть родила меня вторично, как культурного работника, как Советского интеллигента. Мой труд был оценен, и я получил ответственное назначение, — я работал заведующим больницей в Беюк-Вединск<ом> районе, был Зам<естителем> Зав<едующего> ГУРИВ ОТДЕЛОМ и затем переведен в Катайский район Зав<едующим> Здравоотделом и районным санитарным врачом (с 1.Х.33 г<ода>).

После всего сказанного я должен был быть больше чем безумцем, я должен был быть самоубийцей, чтобы пытаться подорвать или ослабить власть, давшую мне все, больше чем жизнь.

Я признаю вполне свою вину, я не прошу отмены наказания, но я чувствую себя оскорбленным, обвиненным в агитации против родной мне власти. ПОЭТОМУ Я ПРОШУ ВАШЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, ТОЛЬКО В ОДНОМ НАПРАВЛЕНИИ, я ходатайствую о переквалификации моего обвинения. Я мог быть легкомысленным, неосторожным, но преступным в отношении Правительства я не был и не думаю быть.

Направленный в ссылку на СЕВЕР НА ТРИ ГОДА — я оставил дома в г<ороде> ЭРИВАНИ без всяких средств жену с ребенком, уже полгода лежащим в гипсовой кровати, и даже мысль об отчаянном положении семьи меркнет рядом с осознанием, что и на мне и на моих близких лежит пятно — репутация врагов Советской власти.

Искупая свою вину вот уже почти десятимесячным тюремным заключением, страданиями и лишениями тех, кто мне дороже всего на свете, я думаю, что заплатил, может быть даже дороже, чем следует, за свое легкомыслие, ибо ни в чем другом я виновным себя не чувствую.

Мое трехлетнее пребывание в концлагере вдали от семьи, невозможность помогать ей, обрекают на гибель мою ни в чем не повинную жену и едва начинающего жить ребенка.

Ваша чуткость подскажет Вам, где правда, поможет Вам разобраться в этом деле, и я надеюсь, что Вы поддержите перед Центральной властью мое ходатайство о предоставлении мне права вновь работать со всей силой убеждения и знания на пользу Великой нашей Родины, в борьбе за здорового веселого человека.

ПРОСИТЕЛЬ

23.I.1936 г<ода>.

г<ород> Баку.

Баилово ИТД №1»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д, 1539. С. 172-173. Машинопись.